

Е Мянэ усмехнулся: и то правда. Министерство финансов заведует жалованьем всех придворных чинов, гражданских и военных. Зная, как сильно отец выделяет старшего сына, оставалось лишь радоваться, что не он распоряжается государственной казной, а не то он пожаловал бы Е Цзину добрую половину империи.

Теперь Е Мянэ больше не завтракал в экипаже. Баонянь велела двум младшим служанкам расставить на столе принесенные из кухни блюда.

Молочная каша, яйца «фужун», жареные пирожки с креветками, изысканные пирожные с жасмином и несколько тарелочек с легкими закусками.

Пока Баохэ остужала для него молочную кашу, в дверях показалась Баонянь, которая вела во двор двух незнакомых служанок.

Заметив недоумение Е Мянэ, Баосюэ поспешила объяснить:

— Старший молодой господин распорядился, чтобы пятый молодой господин какое-то время пожил во Дворе Баофэн. А этих двоих прислала Четвертая наложница, чтобы они привели всё в порядок.

Служанки покорно опустили глаза, почтительно поклонились Е Мянэ, после чего Баонянь увела их во внутренние покои. Е Мянэ лишь кивнул, не придав этому особого значения. Он наспех перекусил и отправился в Императорскую академию Гоцзысюэ.

Сегодня до полудня были занятия по музыке. Е Мянэ сидел, поджав под себя ноги на круглом мате, и, сверяясь с нотами, перебирал струны павловниевых циня, стараясь попасть в лады «гун», «шан», «цзюэ» и «чжи». Учитель музыки и двое его помощников медленно расхаживали между учениками, то и дело давая наставления.

Но стоило Е Мянэ прерваться, чтобы внимательнее изучить партитуру, как по тыльной стороне его ладони больно щелкнул брошенный камешек. Он тихонько зашипел от боли и уже собирался в гневе хлопнуть по столу и вскочить, как вдруг заметил у входа в класс чью-то голову. Некто воровато прятался за дверью, отчаянно подмигивая ему и Ли Чжао.

Переглянувшись с Ли Чжао, который тоже потирал ушибленную руку, Е Мянэ вместе с ним поднял табличку-разрешение выйти по нужде.

Человеком у двери оказался Мэн Цян из соседнего Двора Цидэ. Стоило им дойти до уборной, как Е Мянэ с силой толкнул его в плечо:

— Жить надоело?! Бросил такой булыжник — ты мне руку покалечить вздумал?

Ли Чжао тоже грозно свёл брови:

— Если сейчас же всё толково не объяснишь, я заявлюсь в ваш двор и побью тебя вместе с Ци Е!

— Да с Ци Е беда стряслась, а вы двое всё только о кулаках думаете! — взмолился Мэн Цян.

Е Мянэ и Ли Чжао разом опешили:

— Что с ним стряслось?

— Сегодня ребята из Военной академии Бинвуцзянь привезли нам книги для библиотеки и

лошадей, — принялся рассказывать Мэн Цян. — А у нашего Двора Цидэ как раз шло занятие по верховой езде и стрельбе из лука на тренировочном поле. Один из курсантов стал насмехаться над нашими умениями, да ещё и поганый язык распустил. Какой-то старший брат-ученик ступени Кунь, который занимался там же, сцепился с ним. Преподаватели и надзиратели пытались их растащить, но кто же знал, что этот безумец Ци Е подскочит и огреет военного плетью прямо по лицу!

Е Мяннь резко выдохнул и поспешил спросить:

— И что потом?

— Те четверо, конечно, терпеть не стали, завязалась драка, — продолжил Мэн Цян. — Но ведь их было всего четверо, а у нас на поле тренировались ученики сразу двух дворов, так что... — он неловко кашлянул. — В общем, отделали мы их так, что они и шевельнуться не могли. Потом явились из Павильона Синсы, всех скрутили. Ци Е и того старшего брата ступени Кунь заперли в карцере, а этих четверых вояк уже развезли по домам лечить раны.

Е Мяннь и Ли Чжао переглянулись и сглотнули. «Ну и кашу заварил Ци Е на этот раз», — подумал каждый из них.

Военная академия Бинвуцзянь и Императорская академия Гоцзысюэ издавна соперничали, ведь их выпускники со временем становились костяком военного и гражданского чиновничества империи. Обе стороны на дух друг друга не переносили: курсанты презирали хилых книжников, способных лишь сыпать цитатами из древних свитков, а те, в свою очередь, считали будущих вояк неотесанными мужланами, у которых вся сила ушла в кулаки, а не в голову.

Пожалуй, единственной ниточкой, связывающей их, было то, что во времена основания Военной академии Бинвуцзянь ученики Гоцзысюэ переписали от руки более десяти тысяч томов книг, чтобы наполнить её библиотечные фонды. В ответ Военная академия Бинвуцзянь каждый год скупала на рынках редкие свитки и отбирала лучших скакунов для подарка Гоцзысюэ. Это делалось исключительно ради видимости добрых отношений перед лицом властей. Да и сама Императорская академия в день, когда военные совершали поклонение Бессмертному владыке боевых искусств Усяньцзуню, отправляла своих представителей, чтобы те вознесли молитвы за нерушимость рубежей Великой Вэнь и преподнесли в дар несколько рукописных свитков. Всё это было не более чем пустой церемонией.

И пусть на придворных советах сановники и полководцы до хрипоты спорили о государственных делах, порой в запале швыряя друг в друга сапогами, ученики академий, занимаясь в разных местах, до сих пор не вступали в крупные стычки.

А теперь посланников Военной академии Бинвуцзянь, которые привезли книги и коней, толпой избили прямо на территории Гоцзысюэ, да так, что уносить пришлось на носилках! Это было всё равно что втоптать их достоинство в грязь да ещё и попрыгать сверху. Даже если руководство Военной академии Бинвуцзянь не станет раздувать скандал официально, неужели курсанты спустят такое с рук?

Ли Чжао прекрасно понимал всю серьёзность положения. Встревожившись, он повернулся к Е Мянню:

— Я поеду в Резиденцию командующего к своему дяде. А ты разыщи Вэй Анъюаня и сходи с ним в Павильон Синсы навестить этого придурка, скажи, пусть сидит тихо и не высовывается.

Е Мяннь кивнул:

— Мы с Вэй Анъюанем в прошлый раз, когда подрались, тоже там сидели. Если его сразу отправили в карцер, то беспокоиться не о чем — там только заставляют стоять на коленях перед образом Государя, плетью сечь не будут. Не переживай.

Ли Чжао поспешно ушел, а Е Мяннь поспешил обратно во Двор Цижуй и у ворот бросил камешек, вызывая наружу Вэй Анъюаня.

Тот вышел, потирая лоб и всем видом выражая недоумение, и они вдвоем поспешили к Павильону Синсы.

В Павильоне Синсы Е Мяннь знали как облупленного. Найдя знакомого инспектора дисциплинарной палаты, он долго канючил и уговаривал его, пока тот наконец не разрешил одним глазком глянуть в карцер. Там, уныло опустив головы, стояли на коленях провинившиеся: Ци Е и тот самый зачинщик драки, старший брат-ученик ступени Кунь.

Убедившись, что с ними всё в порядке, Е Мяннь и Вэй Анъюань вздохнули с облегчением.

Ци Е, заметив друзей, так и просиял:

— Когда меня отсюда выпустят?

— Стоять смирно! Разговоры разговаривать запрещено! — прикрикнул инспектор дисциплинарной палаты.

Е Мяннь быстро провел ладонью по горлу, призывая его к молчанию, и одними губами прошептал:

— Стой смирно и не нарывайся, тогда выпустят быстрее. Слушайся!

Когда Е Мяннь и Вэй Анъюань ушли, стоявший рядом старший брат-ученик ступени Кунь развязно вскинул подбородок и хмыкнул:

— А ты, малец, не прост. Сам ещё зелёный, а связи солидные. Даже в карцере тебя проведать приходят.

Ци Е лишь закатил глаза:

— Тоже мне невидаль. Вот если судьба сведет нас вместе угодить в темницу Судебного приказа Далисы, ты ещё не раз увидишь, как он меня навещает.

— ...

В полдень, когда друзья ещё обедали в трапезной, Вэй Анъюаня спешно вызвал к себе Главный надзиратель Цзя. Вернувшись в учебный класс двора Цижуй, Вэй Анъюань пересказал суть их разговора, отчего Е Мяннь едва не задохнулся от ярости — его волосы чуть дыбом не встали.

— Я сам к нему пойду! Совсем старый хрыч из ума выжил, так издеваться!

Ли Чжао с ними не было, а Вэй Анъюань и Жуань Юньшэн сколько ни пытались удержать друга, так и не смогли. Разгневанный Е Мяннь пулей полетел в Палату Цзяюань.

Стоило Главному надзирателю Цзя увидеть его на пороге, как он сокрушённо потёр виски:

— Ну что ещё стряслось?

— Это я хотел у вас спросить! — вскипел Е Мянъ. — Кашу заварили Двор Цидэ и Двор Куньлу, а расхлёбывать должны мы, ученики Двора Цижуй? Какое мы вообще имеем к этому отношение? Даже если свалившаяся ни с того ни с сего беда прилетит с неба, она никак не должна обрушиться на наши головы!

— Наглец! — Главный надзиратель Цзя аж затрясся от злости, топорща усы. — Что за вздор ты несешь? Как смеешь так непочтительно разговаривать со старшими!

Он потянулся к лежащей на столе бамбуковой линейке для наказаний:

— Видно, у тебя снова спина чешется, давно розг не пробовал!

Е Мянъ чисто рефлекторно отступил на шаг назад. Его пыл поугас, но он всё равно продолжал упрямо гнуть своё:

— Тогда объясните мне! Прежде в Военную академию Бинвуцзянь на поклонение Бессмертному владыке боевых искусств Усяньцзуню всегда отправляли старших братьев-учеников ступени Кунь, они же и отвозили рукописные свитки. С какой стати сегодня выбор пал именно на Вэй Аньюаня?

Главный надзиратель Цзя сурово взглянул на него и велел стоявшему рядом помощнику плотно прикрыть дверь.

— А ну сядь! — Он указал на стоящее поодаль кресло из наньму с высокой спинкой и сделал глоток чая, чтобы перевести дух.

Е Мянъ мгновенно присмирел. Он послушно подошел к столу, сначала подлил Главному надзирателю Цзя свежего чая и лишь после этого уселся в кресло.

Главный надзиратель Цзя, глядя на это внезапное послушание, усмехнулся и с упрёком произнес:

— Только при мне ты и смеешь показывать свои капризы. Был бы здесь Великий цзицзю, он бы тебя первым делом связал и отправил к твоему отцу!

Е Мянъ, ничуть не смущаясь, налил чаю и себе, после чего упрямо возразил:

— Не надо пугать меня Великим цзицзю. Академия поступает несправедливо, неужели нам даже спросить нельзя?

Главный надзиратель Цзя вздохнул и неторопливо объяснил:

— Через пару дней нам нужно отправить учеников в Военную академию Бинвуцзянь на поклонение Владыке боевых искусств. В такое время кого ни отправь — над ним обязательно станут измышлять. А у этих вояк кулаки пудовые, меры они не знают. Если они сгоряча натворят глупостей, как академия потом будет оправдываться перед их семьями?

Е Мянъ от изумления раскрыл рот:

— Раз вы прекрасно понимаете, что это неблагодарное поручение, зачем посылать именно Вэй Аньюаня? Разве с Резиденцией премьер-министра так легко договориться? — Е Мянъ тихо заворчал себе под нос: — Когда мы в прошлый раз подрались с Аньюанем, вы меня пугали,

мол, Премьер-министр Вэй с меня живьем шкуру спустит, а потом и ваши старые кости пересчитает.

<http://bllate.org/book/18289/1753857>